

Субъективная оценка вандализма студентами: вопросы безопасности

О.В. Кружкова

Уральский государственный педагогический университет,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: galiat1@yandex.ru

И.В. Воробьева¹, А.И. Матвеева²

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: ¹lorisha@mail.ru; ²lyonchik_7777@list.ru

✉ galiat1@yandex.ru

Аннотация. Введение. Актуальность исследования обусловлена повышенной уязвимостью студенческой молодежи как социальной группы перед лицом средовых рисков. Вандализация городского пространства может существенно влиять на субъективное переживание безопасности, однако это явление остается недостаточно изученным. Цель – изучение восприятия и оценки вандальных преобразований в городской среде с позиции студенческой молодежи в контексте переживания ею состояния безопасности в мегаполисе. Методология, методы и методики. Исследование выполнено с использованием авторской социологической анкеты, включающей блоки, направленные на оценку социального самочувствия, многомерную оценку безопасности (физической, психологической, социальной), анализ восприятия вандализма и социально-демографические характеристики. В исследовании приняли участие 807 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет (средний возраст 18,48 года), являющиеся студентами колледжей и вузов. Обработка данных осуществлялась в JASP 0.96.0 методами дескриптивной статистики, частотного анализа, однофакторного дисперсионного анализа, t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа (r-Пирсона). Результаты. Установлено, что 88 % студенческой молодежи придерживаются негативного или дифференцированного отношения к вандализму, тогда как 12 % демонстрируют лояльные установки. Выявлена устойчивая закономерность: рост толерантности к вандальным проявлениям сопряжен со статистически значимым снижением оценок физической и социальной безопасности городской среды. Зафиксированы выраженные гендерные различия: девушки идентифицируют более широкий круг явлений как вандализм и острее воспринимают их в качестве угрозы ($p \leq 0,01$). Корреляционный анализ обнаружил два паттерна связей: деструктивные формы вандализма (разбитые окна, сломанная инфраструктура) отрицательно коррелируют с показателями безопасности, тогда как инструментальные преобразования (протоптаные тропинки, проходы в заборах) положительно связаны с освещенностью и ощущением социальной общности. Научная новизна. Впервые на российской молодежной выборке эмпирически верифицирована дифференцированная структура восприятия вандализма в контексте безопасности. Работа расширяет теоретические представления о неоднородности влияния различных форм вандализма (деструктивного, инструментального, символического) на субъективные оценки безопасности, уточняя и дополняя классическую теорию «разбитых окон» положением о том, что функциональный, адаптивный беспорядок может восприниматься сообществом как приемлемая практика, не снижающая, а в некоторых аспектах

повышающая ощущение комфорта и общности. *Практическая значимость.* Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий повышения безопасности городской среды, ориентированных на учащуюся молодежь, в том числе в университетских городках и кампусах. Выявленные закономерности позволяют конкретизировать приоритеты управленческих решений: оперативное устранение последствий деструктивного вандализма (разбитые стекла, сломанные остановки), регулирование семиотического климата (удаление агрессивного и противоправного контента), а также легитимация востребованных молодежью адаптивных изменений среды через диалог с сообществом.

Ключевые слова: студенты, вандализм, городская среда, субъективная безопасность, студенческая молодежь, восприятие угроз, теория разбитых окон, психологическая безопасность, деструктивное поведение, инструментальный вандализм, городские риски, социальная общность

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00900 (<https://rscf.ru/project/25-18-00900/>).

Для цитирования: Кружкова О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И. Субъективная оценка вандализма студентами: вопросы безопасности. *Образование и наука.* 2026;28(6):101–132. doi:10.17853/1994-5639-2026-6-101-132

Students' subjective assessment of vandalism: security issues

O.V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: galiat1@yandex.ru

I.V. Vorobyeva¹, A.I. Matveeva²

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: ¹lorisha@mail.ru; ²lyonchik_7777@list.ru

✉ galiat1@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The relevance of this study stems from the increased vulnerability of student youth, as a social group, to environmental risks. Vandalism of urban spaces can significantly affect individuals' subjective sense of safety; however, this phenomenon remains insufficiently researched. *Aim.* The present study aims to examine the perception and evaluation of vandalism in the urban environment from the perspective of student youth, taking into account their experiences of safety within a metropolitan context. *Methodology and research methods.* The study was conducted using a sociological questionnaire developed by the authors, comprising sections designed to assess social well-being, a multidimensional evaluation of safety (physical, psychological, and social), perceptions of vandalism, and socio-demographic characteristics. The sample consisted of 807 respondents aged between 14 and 35 years (mean age 18.48 years), all of whom were students at colleges and universities. Data were analysed using JASP version 0.96.0, employing descriptive statistics, frequency analysis, one-way analysis of variance (ANOVA), Student's t-test, and Pearson's correlation coefficient. *Results.* It was found that 88% of student youth hold a negative or nuanced attitude towards vandalism, while 12% display tolerant attitudes. A consistent pattern emerged: an increase in tolerance towards vandalistic behaviour is associated with a statistically significant decrease in perceptions of both the physical and social safety of the urban environment. Pronounced gender differences were observed: girls identify a broader range of phenomena as

vandalism and perceive them more acutely as threats ($p \leq 0.01$). Correlation analysis revealed two patterns of relationships: destructive forms of vandalism (such as broken windows and damaged infrastructure) correlate negatively with safety indicators, whereas instrumental acts of vandalism (such as worn footpaths and passages through fences) correlate positively with illumination and the sense of social community. *Scientific novelty.* For the first time in a Russian youth sample, the differentiated structure of the perception of vandalism in the context of safety has been empirically validated. This study broadens the theoretical understanding of the heterogeneous impact of various forms of vandalism (destructive, instrumental, symbolic) on subjective safety assessments, refining and supplementing the classic “broken windows” theory with the proposition that functional, adaptive disorder may be perceived by the community as an acceptable practice, which does not diminish – and in some respects enhances – the sense of comfort and community. *Practical significance.* The results of the study can inform the development of strategies to enhance the safety of urban environments, specifically targeting student populations, including those in university towns and on campuses. The identified patterns enable the prioritisation of managerial decisions: the prompt remediation of the effects of destructive vandalism (such as broken windows and damaged bus stops), the regulation of the semiotic environment (removal of aggressive and unlawful content), and the legitimisation of adaptive environmental changes requested by young people through community dialogue.

Keywords: students, vandalism, urban environment, subjective safety, student youth, perception of threats, broken windows theory, psychological safety, destructive behaviour, instrumental vandalism, urban risks, social community

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 25-18-00900 (<https://rscf.ru/project/25-18-00900/>).

For citation: Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Matveeva A.I. Students' subjective assessment of vandalism: security issues. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal.* 2026;28(6):101–132. doi:10.17853/1994-5639-2026-6-101-132

Введение

Студенческая молодежь – одна из наиболее социально уязвимых категорий населения. Это связано с целым рядом факторов, начиная от низкого уровня доходов и высокой зависимости от внешних источников финансирования (финансовое обеспечение, поступающее от родителей, стипендии образовательных организаций и пр.), повышенной подверженности экономическим рискам и повышенной чувствительности к внешним кризисам, заканчивая жилищными проблемами, связанными с переездом в другой населенный пункт для обучения и пр. Также, по мнению В. И. Чупрова и коллег, на социальную безопасность студентов влияет и длительное проживание в условиях повышенной транзитивности общества, вызывающей высокий уровень социального стресса, острые эмоциональные реакции на социальные сдвиги [1]. Современные студенты зачастую связывают свое будущее с возникновением широкого спектра рисков, прогнозируя наступление их с большей вероятностью, чем позитивные исходы, как это показано в исследовании Я. В. Дидковской и соавторов [2]. Негативное будущее, высокие академические нагрузки, нарушения в образе жизни приводят к тому, что как минимум треть студентов переживают стресс (что подтверждается как исследованием К. Wunsch et al. на зарубежной студенческой выборке [3], так и результатами, полученными

Е. И. Кутузовой, И. А. Черняевым при изучении российских студентов [4]); пятая часть студентов, по данным S. Pereira et al., испытывает тревогу и депрессию или имеет сложные психиатрические диагнозы [5], что приводит к снижению качества жизни [6], повышает их чувствительность к негативным факторам внешней среды, способствует нарушению психологической безопасности.

И здесь одним из неявных, но в достаточной степени значимых негативных факторов, как отмечают О. В. Кружкова, И. В. Воробьева и Я. Пецникова, выступает вандализация городской среды, изменяющая ее качество, комфорт и уровень безопасности [7]. Столкновение с вандализированным пространством в городской среде зачастую сопряжено с переживанием тревоги и опасений по поводу нарушения персональной и общественной безопасности, как это показано в исследовании Н. Hirtenlehner и соавторов [8], поскольку вандализм напрямую ассоциируется, по мнению М. Halsey и А. Young [9], с криминальными актами, нарушением норм поведения, снижением социального контроля и общим упадком качества территории. Отдельно стоит отметить негативное влияние вандально нанесенных текстов, содержащих в себе политические лозунги, обценную лексику, элементы экстремизма и иные социально-культурные угрозы. Как было обнаружено О. В. Кружковой [10], подобные тексты являются не только произвольно считываемыми и запоминаемыми, но и, по результатам исследования М. Р. Бабиковой с соавт. [11], вызывающими преимущественно негативные реакции у наблюдателей.

В последнее время постепенно растет число исследований вандализма, граффити, несанкционированного стрит-арта в городской среде, раскрывающих аспекты восприятия данных явлений, в том числе представителями студенческой молодежи. Так, в работе У. С. Швиндт показано, что не все графические объекты, созданные в форме граффити или стрит-арта, воспринимаются однородно и однозначно жителями города [12]. При этом, как обнаружено в исследовании О. В. Кружковой, воспринимаемые вандально нанесенные тексты в условиях реальной городской среды не только доступны для считывания, но и достаточно хорошо запоминаются даже при однократном предъявлении [10]. А. Gartus и L. Helmut в ходе полевых экспериментов обнаружили, что большое значение для восприятия граффити имеет контекст: на улице данные объекты воспринимаются и оцениваются более позитивно, чем если они расположены в музейном пространстве [13]. Тем не менее вопросы безопасности вандализированной среды города для студенческой молодежи по-прежнему остаются недостаточно изученными.

Целью исследования стало изучение восприятия и оценки вандальных преобразований в городской среде с позиции студенческой молодежи в контексте переживания ею состояния безопасности в мегаполисе. Достижение цели предполагало поиск ответов на следующие исследовательские вопросы:

1. Каково отношение студенческой молодежи к вандализму и как в контексте этого они оценивают безопасность городской среды?

2. Различается ли отношение к вандализму и оценка безопасности городской среды у юношей и девушек студентов?

3. Существует ли взаимосвязь между тем, как студенческая молодежь оценивает безопасность городской среды и вандализм?

Исходя из поставленной цели и исследовательских вопросов, была сформулирована следующая основная гипотеза исследования: отношение студенческой молодежи к вандальным преобразованиям городской среды дифференцированно связано с субъективным восприятием безопасности. Предполагается, что деструктивные формы вандализма будут отрицательно коррелировать с оценками физической, психологической и социальной безопасности, в то время как инструментальные и адаптивные формы могут быть не взаимосвязаны с субъективным восприятием безопасности.

Ограничения представленного исследования связаны как с наличием региональной специфики и культурного многообразия исследуемого мегаполиса (Екатеринбурга) и студентов, обучающихся в нем (в частности, исследование не предполагало учета факторов национальности, религиозной принадлежности, направления профессионального обучения), так и относительной неравномерности распределения выборки по фактору пола, что частично компенсируется существенными объемами выборочных совокупностей и применением более точных методов параметрической и многомерной статистик, а также выявлением в рамках второго исследовательского вопроса роли фактора пола в оценке вандализма и безопасности в городской среде. Отдельное ограничение исследования связано с преобладанием в выборке студентов представительниц более младших возрастов (18–21 год), однако данная особенность отражает специфику возрастного распределения студенчества (как целевой группы представленного исследования), обучающегося в системе среднего профессионального (возраст 15–19 лет) и высшего образования (средний возраст 23,5 лет¹). Также ограничения связаны с лимитами измерительных возможностей анкетирования как основного метода сбора данных.

Обзор литературы

Понятие безопасности в последние годы становится одним из центральных в психологических и педагогических исследованиях. Л. Ю. Субботина пишет: «данное понятие отражает важнейшую грань собственно психических проявлений и личностных свойств. Ощущение себя в безопасности становится определяющим фактором результативного поведения в любых сферах жизни, в принятии решений, в мотивации выбора и т. п.» [14, с. 38]. И здесь на первый план выходит именно психологический аспект безопасности, связанный с воспринимаемыми угрозами, реакциями на них личности и ее ресурсами для устранения последствий негативного воздействия.

¹ В Минобрнауки назвали средний возраст студента в России. Режим доступа: <https://ria.ru/20260113/student-2067492165.html> (дата обращения: 07.05.2026).

Городская среда – традиционно рассматривается не только как пространство возможностей, но и как пространство, активно насыщенное разнообразными вызовами и угрозами для человека. Как справедливо отмечают Т. В. Дробышева и коллеги, в современной психологии существует устоявшаяся тенденция исследования психологических аспектов взаимодействия с городской средой в контексте переживаемого жителями дискомфорта и иных негативных следствий жизнедеятельности в условиях города [15]. Среди наиболее значимых угроз и источников стресса для жителей крупных городов A. Afable et al. указываются факторы загрязнения воздуха, шум, высокий трафик, временные затраты, преступность, а также частые межличностные конфликты; при этом подчеркивается, что наиболее серьезно данные факторы воздействуют на социально незащищенные слои населения [16]. Как считают А. А. Антипова и Е. Н. Касаркина, в определенной степени к данной категории можно отнести и студентов, обучающихся в мегаполисах, особенно иногородних (составляющих не менее 30 % от общего числа студентов в РФ), у которых еще нет устоявшихся специфических адаптации к городской среде большого города [17].

О. Ю. Зотова и Л. В. Тарасова описывают психологическую безопасность в городской среде как состояние, при котором удовлетворяются основные человеческие потребности в самосохранении, отражающее степень психической стабильности личности, что определяет во многом реакцию человека на разнообразные средовые стимулы [18; 19].

Еще в работе J. Q. Wilson и G. L. Kelling было указано, что чистота и порядок, отсутствие несанкционированных повреждений элементов городской среды способствуют чувству безопасности жителей [20]. В более поздних исследованиях (например, в работе L. Yuan и соавторов), применяющих современные аналитические методы работы с большими данными, собираемыми различными системами на улицах города, были описаны и иные значимые факторы, интерактивно определяющие переживание безопасности горожанами [21]. В частности, N. Abdul Malek и M. Manohar было обнаружено, что зеленые насаждения и дизайн улиц, то есть визуальное наполнение пространства, их сохранность или поврежденность вандалскими преобразованиями оказывают определенное влияние на восприятие безопасности жителями города [22]. Таким образом, логично утверждать, что вандалски измененная городская среда, в том числе описываемая в теории «разбитых окон» [20] как причина и следствие восприятия нарушенного порядка, будет приводить к нарушению психологической безопасности в пространстве города.

Вандализм как несанкционированная активность субъекта по изменению объектов и элементов городского пространства в современных мегаполисах встречается достаточно часто. Как отмечают К. Mumford и А. Power, вандализм, будучи «видимой невидимкой», зачастую становится привычным фоном городской жизни, однако при восприятии аспектов безопасности выступает маркером потенциальных угроз, например неблагополучной криминологической обстановки, провоцируя желание переехать в другой район [23]. Т. Baker

и L. Wolfer поясняют, что данная позиция вполне объяснима, поскольку совершение деструктивных вандальных актов часто сопряжено с употреблением их субъектами алкоголя и наркотических средств, что также сопровождается насильственными преступлениями [24]. Например, I. Gargiulo с соавторами с деятельностью вандалов связывают выброшенный мусор, разбитые стеклянные бутылки, которые могут представлять опасность для людей и животных в прогулочных зеленых зонах города при занятии физической активностью [25]. В силу этого не только вандализм, совершаемый из хулиганских побуждений, но и граффити могут восприниматься как маркеры угрозы. В исследовании S. Abdul Rashid и соавторов при опросе 120 женщин было обнаружено, что 80 % из них назвали мусор и граффити причиной снижения чувства безопасности, однако на поведенческом уровне в рамках полевого наблюдения реакция на эти стимулы не была подтверждена [26].

Как указывают M. Halsey и A. Young, явление вандализма и частного его проявления – граффити неоднородно. Не все несанкционированные преобразования городской среды совершаются в силу агрессии, хулиганских побуждений или выступают как сопутствующие эффекты от других преступлений. S. Abdul Rashid и коллеги представляют граффити как особую субкультуру, предлагающую свое видение эстетики городского пространства [9] и отражающую не только в социальном (как большинство субкультур), но и в физическом, и в смысловом пространстве города (что подтверждалось при исследовании восприятия, интерпретации и оценки вандально нанесенных текстов жителями мегаполиса в наших более ранних исследованиях [10; 11]). Граффити имеет существенный потенциал воздействия на чувство безопасности как через несанкционированное физическое изменение объектов городской среды, так и через визуально-содержательно-смысловое наполнение. С позиции наблюдателя граффити не является одномерным конструктом, что определяет различия в реакции на него. Как выявлено в исследовании D. M. Austin и C. Sanders, на восприятие безопасности в отношении граффити влияют тип граффити (наиболее небезопасными воспринимаются граффити, ассоциированные с бандитскими группировками, тогда как максимально безопасными оцениваются позитивные в своем содержании граффити) и индивидуальные характеристики наблюдателя, в том числе опыт виктимизации [27]. Однако в последние годы все чаще в рамках разнообразных исследований (например, в работе M. Štambuk и коллег) прослеживается тенденция к возрастанию толерантности к самовыражению уличных художников, и все более позитивному отношению к несанкционированным муралам, граффити, тегам и пр. [28].

В то же время O. B. Кружкова и И. В. Воробьева считают, что смысловой уровень угрозы, считываемый при восприятии граффити связан не только с элементами экстремизма [29] или обценной лексикой, граффити по своей сути, по мнению N. Đukić, – это протест против сформировавшихся норм поведения, правил, ограничений и регламентаций, а также социальных институций, обеспечивающих их содержание [30]. Это заявление стихийных групп о «праве на

город», а значит и на власть в нем, что потенциально нарушает безопасность, претендуя на приоритет «власти улиц» над властью закона.

Студенческая молодежь в силу особенностей возраста и специфики современных тенденций социализации подвергается определенным рискам в вандализированной городской среде, что связано как с нормализацией девиантных форм поведения и приобщения к ним, так и с обострением тревоги и страхов, связи с необходимостью перемещения в городском пространстве с множественными следами деформационного и графического вандализма. Кроме того, привычно вандализированная городская среда способствует формированию у представителей молодого поколения безответственного отношения к городскому и общественному имуществу, а при вандализации объектов культурно-исторического значения – приводит к размыванию и искажению исторической памяти, как на это справедливо указывают Л. В. Коробицына с соавт. [31]. Тем не менее исследование субъективного восприятия безопасности городской среды студентами в контексте оценки и их толерантности к различным формам вандализма позволяет конкретизировать риски и угрозы вандальных преобразований городского пространства для студенческой молодежи.

Методология, материалы и методы

Методологическим основанием для сбора данных выступил количественный подход, ориентированный на получение числовой информации. В рамках данной парадигмы была разработана авторская комплексная социологическая анкета, направленная на изучение особенностей восприятия вандализма в контексте переживания чувства безопасности в городской среде.

Процесс разработки инструментария осуществлялся в соответствии с установленными процедурами и включал в себя несколько этапов. На этапе концептуализации исследовательской проблемы была сформулирована теоретическая основа, определяющая ключевые конструкты для измерения. Далее была осуществлена операционализация исследовательских понятий, что позволило перевести выделенные теоретические конструкты в систему измеримых показателей с выделением конкретных, наблюдаемых маркеров. Для решения данных задач осуществлялся поиск источников в базах научных публикаций: eLibrary; Гугл Академия, ResearchGate, ScienceDirect. Глубина поиска в силу узкоспециализированной темы ограничена не была, однако предпочтение отдавалось более новым источникам 2020–2025 гг. публикации. Поиск проводился по ключевым словам «психологическая безопасность», «воспринимаемая безопасность», «вандализм», «граффити», «восприятие городской среды», а отбор конкретных исследований осуществлялся с приоритетной ориентацией на данные по студенческой или молодежной выборке. В результате была определена структура анкеты, сформированная по принципу «воронки» и обеспечивающая последовательный переход от общих вопросов о качестве жизни в городе к конкретным аспектам восприятия вандализма, и сформулированы

вопросы. Далее анкета прошла пилотажную проверку с последующей доработкой и в итоговую структуру инструментария вошло 7 логических блоков: введение в опрос и оценка социального самочувствия; многомерная оценка безопасности в городской среде; анализ частоты и эмоционального восприятия актов вандализма; когнитивно-оценочное восприятие вандализма; нормативные установки и поведенческие аспекты восприятия вандализма; диагностика образов городской среды на основе семантического дифференциала; социально-демографический блок. После апробации была определена процедура сбора данных и адаптация анкеты для онлайн-формата (проведена комплексная адаптация методического инструментария для реализации в цифровой среде, в качестве технологической платформы выбран сервис Яндекс.Формы, что обусловлено его доступностью для респондентов, стабильностью работы при массовом заполнении и наличием необходимого функционала для реализации сложной структуры анкеты).

В исследовании приняло участие 807 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет (средний возраст составил 18,48 года при $\sigma = 3,96$), из них 536 женщин и 271 мужчина, подавляющее большинство опрошенных не состоят в браке (95,4 %) и не имеют детей (97,8 %). Занятость участников опроса: 100 % обучается в учреждениях системы образования (колледжи и вузы), при этом 23,8 % совмещают учебу с работой.

Обработка данных осуществлялась посредством специализированного математико-статистического пакета JASP 0.96.0. Использовались методы дескриптивной статистики, частотный анализ, однофакторный дисперсионный анализ, сравнительный анализ (параметрический t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок), корреляционный анализ (коэффициент корреляции r-Пирсона).

Литературное редактирование и корректура текста отдельных разделов были выполнены с применением инструментов DeepSeek.

Результаты исследования

Для ответа на первый исследовательский вопрос был проведен анализ данных дескриптивной статистики. Так, процентное распределение ответов респондентов на вопрос о том, как в целом можно оценить вандализм представлено на рисунке 1.

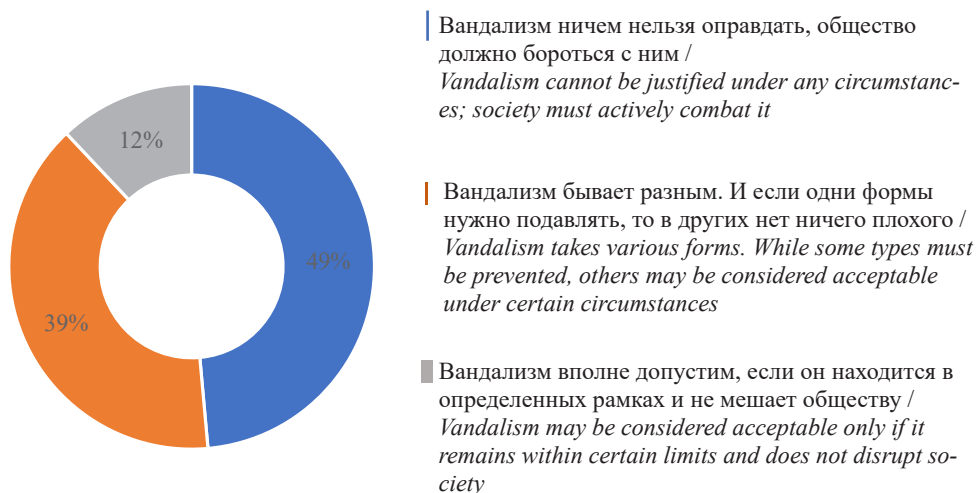

Рис. 1. Диаграмма процентного распределения общей оценки вандализма у студенческой молодежи

Fig. 1. Diagram of the percentage distribution of the general assessment of vandalism among students

Соответственно, почти половина опрошенных отрицательно относятся к проявлениям вандализма в городской среде, считая, что он не допустим и необходимо делать все возможное по его предотвращению. 39 % студенческой молодежи допускают существование в городском пространстве отдельных форм вандализма, но указывают на то, что по отношению к некоторым его вариантам также необходимо занимать категоричную позицию непринятия. И только 12 % юношей и девушек студентов лояльно воспринимают несанкционированное изменение объектов городской среде, при условии, что оно не наносит вреда обществу.

Далее был проведен однофакторный дисперсионный анализ, где в качестве группирующей переменной (фактора) был выбран вариант общей оценки вандализма, а в качестве сравниваемых переменных выступили показатели безопасности в городской среде с точки зрения участников исследования. Таким образом, было сформировано три сравниваемых между собой группы: 1 группа – студенческая молодежь с категорично негативным отношением к вандализму ($n = 392$ респондента); 2 группа – студенческая молодежь с дифференцированным отношением к вандализму ($n = 318$ респондентов); 3 группа – студенческая молодежь с лояльным отношением к вандализму ($n = 97$ респондентов) (таблица 1).

Результаты дисперсионного анализа

Таблица 1

Analysis of variance (ANOVA) results

Table 1

Переменные / Variables	F	p, уровень значимости / p-value	Средние значения / Mean values		
			1 группа / 1st group	2 группа / 2nd group	3 группа / 3rd group
Оценка физической безопасности: освещение города в темное время суток / Assessment of physical safety: street lighting at night	6,645	0,001	3,827	3,629	3,423
Оценка физической безопасности: безопасность дорожного движения для пешеходов / Assessment of physical safety: road safety for pedestrians	4,601	0,010	3,864	3,742	3,464
Оценка социальной безопасности: низкая конфликтность и агрессивность коммуникации между людьми / Assessment of social safety: low level of conflict and aggression in communication between people	5,742	0,003	3,819	3,541	3,454
Оценка социальной безопасности: наличие общности и поддержки / Assessment of social safety: sense of community and support	2,739	0,065	3,462	3,258	3,237
Общая оценка физической безопасности / Overall assessment of physical safety	4,581	0,011	3,601	3,524	3,299
Общая оценка социальной безопасности / Overall assessment of social safety	4,847	0,008	3,667	3,500	3,392
Общая оценка безопасности / Overall assessment of safety	4,665	0,010	11,028	10,709	10,275

Интересно, что профили средних значений всех переменных, имеющих статистически достоверные различия, имеют одинаковую закономерность – наиболее высоко оценивают безопасность в городе представители студенческой молодежи, относящиеся к вандальным проявлениям крайне отрицательно, чуть ниже – те респонденты, которые транслируют дифференцированное отношение; и более низкие значения показателей наблюдаются у юношей и девушек студентов с толерантным восприятием результатов вандальной активности в городской среде. Кроме того, необходимо заметить, что все средние значения показателей оценки безопасности находятся в диапазоне, ука-

зывающем на присутствие у студенческой молодежи чувства защищенности в городском пространстве (размах возможных значений от 1 до 5 баллов).

Для ответа на второй исследовательский вопрос первоначально был проведен частотный анализ ответов респондентов на вопрос, что они считают вандализмом с учетом фактора пола. Выборка была разделена на подгруппы: мужчины ($n = 271$ респондент) и женщины ($n = 536$ респондентов) (таблица 2).

Таблица 2

Процентное распределение оценки примеров вандализма с учетом фактора пола

Table 2

Percentage distribution of the assessment of vandalism examples by gender

Примеры вандализма / <i>Examples of vandalism</i>	мужчины / <i>men</i>		женщины / <i>women</i>	
	не вандализм / <i>not vandalism</i>	вандализм / <i>vandalism</i>	не вандализм / <i>not vandalism</i>	вандализм / <i>vandalism</i>
1. Самовольно поставленные заборы или ограждения для парковки / <i>Self-installed fences or parking barriers</i>	60,9	39,1	63,1	36,9
2. Хулиганские надписи и рисунки на стенах / <i>Hooligan inscriptions and drawings on walls</i>	16,2	83,8	8,4	91,6
3. Граффити и иные художественные изображения на стенах / <i>Graffiti and other artistic images on walls</i>	45,0	55,0	43,3	56,7
4. Политические лозунги, написанные на стенах / <i>Political slogans written on walls</i>	36,5	63,5	23,1	76,9
5. Объявления, расклеенные на столбах и деревьях / <i>Fly-posted notices on poles and trees</i>	62,0	38,0	59,7	40,3
6. Разбитые или выбитые окна в домах/витрины магазинов / <i>Broken or smashed windows in houses/shop windows</i>	13,7	86,3	8,0	92,0
7. Сломанные перила, лифты, почтовые ящики в подъездах / <i>Broken railings, lifts, and mailboxes in the hallways of residential buildings</i>	17,0	83,0	10,1	89,9
8. Тропинки, протоптанные по газонам / <i>Paths trampled across lawns</i>	76,8	23,2	70,0	30,0
9. Надписи на тротуарах и стенах домов с рекламой различных товаров и услуг / <i>Inscriptions on sidewalks and walls of houses advertising various goods and services</i>	43,9	56,1	35,8	64,2

10. Надписи на тротуарах и стенах домов, предлагающие нелегальные товары и услуги / <i>Inscriptions on sidewalks and walls of houses offering illegal goods and services</i>	21,8	78,2	13,1	86,9
11. Дыры, проделанные в заборах для прохода / <i>Holes made in fences for passage</i>	41,0	59,0	30,4	69,6
12. Деформированные и испорченные надписями детские площадки во дворах / <i>Deformed and graffiti-covered playgrounds in courtyards</i>	14,8	85,2	8,6	91,4
13. Сломанные и испорченные надписями скамейки / <i>Broken and graffiti-covered benches</i>	16,2	83,8	7,1	92,9
14. Мусор, выброшенный в неразрешенных местах / <i>Litter left in unauthorised places</i>	31,7	68,3	30,0	70,0
15. Поврежденные дорожные знаки (разрисованные граффити, заклеенные стикерами, деформированные) / <i>Damaged road signs (covered in graffiti, stickers, deformed)</i>	15,5	84,5	9,3	90,7
16. Сожженные автомобили, мусорные контейнеры, урны и др. объекты / <i>Burned cars, rubbish bins, litter bins, and other objects</i>	16,2	83,8	10,3	89,7
17. Поврежденные мусорные контейнерные площадки / <i>Damaged waste container sites</i>	21,0	79,0	13,1	86,9
18. Разбитые стекла на остановках и рекламных боксах / <i>Broken glass at bus stops and advertising display cases</i>	14,4	85,6	9,1	90,9
19. Изрисованные граффити информационные и рекламные щиты, остановочные комплексы / <i>Information and advertising billboards, as well as bus stops, are covered in graffiti</i>	24,7	75,3	13,4	86,6

Так, в мужской выборке более 80 % опрошенных вандализмом считают: хулиганские надписи и рисунки на стенах; разбитые/выбитые окна; сломанные перила, лифы, почтовые ящики в подъездах; деформированные и испорченные надписями детские площадки во дворах; сломанные и испорченные надписями скамейки; поврежденные дорожные знаки; сожженные автомобили, мусорные контейнеры, урны и др. объекты; разбитые стекла на остановках и рекламных боксах. В женской выборке при сохранении такого же порога частоты встречаемости (позицию выбрали более 80 % опрошенных), помимо указанных примеров добавляются: надписи на тротуарах и стенах домов,

предлагающие нелегальные товары и услуги; поврежденные мусорные контейнерные площадки; изрисованные граффити информационные и рекламные щиты, остановочные комплексы. Также необходимо отметить в целом более высокую частоту встречаемости ответов у девушек и соответственно более согласованную позицию по отношению к вариантам проявления вандализма в городском пространстве.

Для уточнения данной закономерности был проведен сравнительный анализ оценок всех примеров вандализма с точки зрения их безопасности/не безопасности у юношей и девушек студентов (использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок), результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа

Table 3

Results of the comparative analysis

Примеры вандализма / <i>Examples of vandalism</i>	t-критерий / <i>t-test</i>	p, уровень значимости / <i>significance level</i>	Средние значения / <i>Mean values</i>	
			мужчины / <i>men</i>	женщины / <i>women</i>
6. Разбитые или выбитые окна в домах/витрины магазинов / <i>Broken or smashed windows in houses/shop windows</i>	-4,440	0,000	2,495	2,948
7. Сломанные перила, лифты, почтовые ящики в подъездах / <i>Broken railings, lifts, and mailboxes in the hallways of residential buildings</i>	-2,394	0,017	2,683	2,929
16. Сожженные автомобили, мусорные контейнеры, урны и др. объекты / <i>Burned cars, rubbish bins, litter bins, and other objects</i>	-3,172	0,002	2,594	2,937
17. Поврежденные мусорные контейнерные площадки / <i>Damaged waste container sites</i>	-2,026	0,043	2,314	2,526
18. Разбитые стекла на остановках и рекламных боксах / <i>Broken glass at bus stops and advertising display cases</i>	-3,689	0,000	2,538	2,931

Анализ показал, что действительно девушки в большей степени склонны реагировать на вандализм и чаще, чем юноши рассматривают его как фактор, обуславливающий небезопасность окружающей среды. Так, чувство угрозы, переживание дискомфорта, страха и других негативных состояний у девушек-студенток возникает при столкновении в пространстве города с разбитыми или выбитыми окнами; сломанными перилами, лифтами, почтовыми ящиками в подъездах; сожженными автомобилями, мусорными контейне-

рами, урнами и др. объектами; поврежденными мусорными контейнерными площадками; разбитыми стеклами на остановках и рекламных боксах.

Для ответа на третий исследовательский вопрос был проведен корреляционный анализ на общей выборке ($n = 807$ респондентов), использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона (таблица 4).

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа

Table 4

Results of the correlation analysis

Примеры вандализма / Examples of vandalism	Оценка физ. безопасности: освещение города / Assessment of physical safety: street lighting	Оценка физ. безопасности: криминогенная обстановка / Assessment of physical safety: crime situation	Оценка психол безопасности: комфорт парков и скверов / Assessment of psychological safety: comfort of parks and public gardens	Оценка психол безопасности: комфорт улиц и районов / Assessment of psychological safety: comfort of streets and neighbourhoods	Оценка соц. безопасности: наличие общности и поддержки / Assessment of social safety: sense of community and support	Общая оценка физ. безопасности / Overall assessment of physical safety	Общая оценка психол. безопасности / Overall assessment of psychological safety	Общая оценка безопасности / Overall assessment of safety
4.			-0,099				-0,079	
5.			-0,077					
6.		-0,87	-0,84	-0,078			-0,078	
7.		-0,131	-0,087	-0,090		-0,78	-0,090	-0,081
8.	0,073				0,077			
9.			-0,076					
11.	0,087				0,087			
12.			-0,072					
17.							-0,074	
18.		-0,076	-0,098	-0,075			-0,090	

Примечание. В таблице представлены только статистически значимые коэффициенты корреляции (полужирным шрифтом – на уровне значимости $p \leq 0,01$; остальные – на уровне значимости $p \leq 0,05$). Примеры вандализма: 4. Политические лозунги, написанные на стенах, 5. Объявления, расклеенные на столбах и деревьях. 6. Разбитые или выбитые окна в домах/витрины магазинов. 7. Сломанные перила, лифты, почтовые ящики в подъездах. 8. Тропинки, протоптанные по газонам. 9. Надписи на тротуарах и стенах домов с рекламой различных товаров и услуг. 11. Дыры, проделанные в заборах для прохода. 12. Деформированные и испорченные надписями детские площад-

ки во дворах. 17. Поврежденные мусорные контейнерные площадки. 18. Разбитые стекла на остановках и рекламных боксах / *Note. The table presents only statistically significant correlation coefficients (in bold – at the significance level $p \leq 0.01$; others – at the significance level $p \leq 0.05$). Examples of vandalism: 4. Political slogans written on walls; 5. Fly-posted notices on poles and trees; 6. Broken or smashed windows in houses/shop windows; 7. Broken railings, lifts, and mailboxes in the hallways of residential buildings; 8. Paths trampled across lawns; 9. Inscriptions on sidewalks and walls of houses advertising various goods and services; 11. Holes made in fences for passage; 12. Deformed and graffiti-covered playgrounds in courtyards; 17. Damaged waste container sites; 18. Broken glass at bus stops and advertising display cases.*

Согласно полученным результатам, оценка городской среды на предмет рисков для физической безопасности ее жителей, относящихся к студенческой молодежи, взаимосвязана с восприятием в качестве угрозы сломанной/деформированной инфраструктуры подъездов жилых домов (перила, лифты, почтовые ящики). Причем, зафиксирована обратная корреляционная взаимосвязь, указывающая на то, что повышение оценки безопасности обуславливает понижение оценки рисков данного примера вандализма и наоборот – высокая восприимчивость к результатам подобных вандальных актов снижает чувство физического комфорта в городской среде. Вместе с тем, детализация оценки физической безопасности на отдельные переменные позволила обнаружить два типа связей. Так, угрозы от криминогенной обстановки в пространстве города связаны аналогичны образом (отрицательные корреляционные взаимосвязи) с рассмотрением в качестве рисков таких примеров вандализма как: разбитые или выбитые окна в домах/витринах магазинов; сломанные перила, лифты, почтовые ящики в подъездах; разбитые стекла на остановках и рекламных боксах. Важно заметить, что все указанные варианты вандализма носят ярко выраженный деструктивный характер и объективно могут влиять на физическую безопасность человека. Кроме того, можно предположить, что наличие и частотность таких примеров в индивидуальном опыте респондентов как раз и формирует указанную закономерность, которая зачастую основывается на реальной практике и столкновении с конкретными ситуациями угрозы жизни и/или здоровью. Однако в блоке оценок физической безопасности были обнаружены и прямые корреляционные взаимосвязи между фактором освещенности города в темное время суток и такими примерами вандализма как: тропинки, протоптанные по газонам; дыры, проделанные в заборах для прохода. Интересно, что данные варианты вандализма связаны с преобразованием городской среды с точки зрения ее удобства и комфорта для жителей, но безусловно не являются правомерными, поскольку нарушают эстетику и организацию пространства. Соответственно, если город хорошо освещен, то и потребности в подобном изменении среды нет, и студенческая молодежь начинает оценивать ее как угрозу для своей физической безопасности и комфорта.

Общая оценка студенческой молодежью психологической безопасности отрицательно коррелирует с такими формами вандализма как: политические лозунги, написанные на стенах; разбитые или выбитые окна в домах/витринах магазинов; сломанные перила, лифты, почтовые ящики в подъездах; повре-

жденные мусорные контейнерные площадки; разбитые стекла на остановках и рекламных боксах. Детализация оценки добавляет аналогичные по направленности связи. Так, комфорт и ощущение спокойствия в парках и скверах города дополнительно взаимосвязано с: объявлениями, расклеенными на столбах и деревьях; надписями на тротуарах и стенах домов с рекламой различных товаров и услуг; деформированными и испорченными надписями детскими площадками. Психологический комфорт улиц и районов отрицательно коррелирует с восприимчивостью к разбитым или выбитым окнам в домах/витринах магазинов; сломанным перилам, лифтам, почтовым ящикам в подъездах; разбитым стеклам на остановках и рекламных боксах. Обнаруженные связи вполне закономерны, поскольку указывают на реакцию студенческой молодежи на примеры деструктивного вандализма, зачастую предполагающего порчу и деформацию объектов городской среды. Вместе с тем, триггерами для беспокойства и ощущения угрозы психологическому благополучию для студенческой молодежи могут также выступать варианты протестной политической активности отдельных групп, нарушение эстетики пространства путем его преобразования и дополнения к нему несогласованных объектов (объявления, рекламные надписи и пр.).

Единственным показателем оценки социальной безопасности, который был включен в корреляционную матрицу со статистически значимыми коэффициентами, стала оценка принадлежности к городскому сообществу. Она положительно взаимосвязана с такими примерами вандализма как: тропинки, протоптанные по газонам; дыры, проделанные в заборах для прохода. Возможным объяснением данных закономерностей может быть то, что наличие таких самовольных преобразований городской среды может дестабилизировать и формировать ощущение угрозы социальной общности, поскольку они не являются согласованными и могут нарушать не только эстетику, но и организацию пространства.

Также была обнаружена единственная отрицательная корреляционная взаимосвязь между общей оценкой безопасности и угрозами от деформированной инфраструктурой подъездов жилых домов. Данный факт подчеркивает значимость для студенческой молодежи сохранности и функциональности тех территорий города, которые непосредственно связаны с ежедневным бытом и жизнедеятельностью человека в городской среде.

Обсуждение

Анализ полученных данных позволяет интерпретировать выявленные взаимосвязи в контексте современных российских и международных исследований восприятия городской среды, психологического самочувствия и чувства безопасности студенческой молодежи. Результаты конкретизируют и расширяют ряд теоретических положений, представленных в научной литературе.

Обнаруженные закономерности в рамках первого исследовательского вопроса позволяют не только констатировать распределение установок студен-

ческой молодежи по отношению к вандализму, но и выявить глубинную связь этих установок с субъективным ощущением безопасности внутри городской среды. Доминирование негативного (49 %) и дифференцированного (39 %) отношения к вандализму свидетельствует о том, что в студенческой среде в целом сформировано понимание деструктивной сущности данного феномена. Это согласуется с данными кросс-региональных исследований, описанными Д. В. Руденкиным и показывающих, что отношение российской молодежи к вандализму в целом тяготеет к негативному полюсу, хотя степень этого тяготения может варьироваться [32]. В этой связи наличие 12 % респондентов с лояльным отношением может трактоваться двояко. С одной стороны, согласно более позднему уточнению того же автора [33], это может свидетельствовать о том, что многие молодые люди обладают крайне узким представлением о том, что такое вандализм, и не причисляют к его проявлениям целый ряд деструктивных активностей в городском пространстве. С другой же стороны – этот процент подтверждает тезис о неоднородности студенческой молодежи, как социальной группы, а именно – о существовании отдельных субкультурных течений, так называемых «групп по интересам», где отдельные формы вандализма (чаще всего граффити) могут восприниматься как допустимая практика самовыражения. Как подчеркивает Е. Н. Коломеец [34] на примере новосибирского граффити-сообщества, в таких группах отдельные формы вандализма (чаще всего именно граффити) могут восприниматься не как девиация, а как допустимая практика самовыражения.

Наиболее значимым результатом, однако, является выявленная устойчивая закономерность: чем выше толерантность индивида к вандальным проявлениям, тем ниже он оценивает различные аспекты городской безопасности. Эта обратная связь носит системный характер и проявляется как в оценках физической (освещение, безопасность дорожного движения), так и социальной (конфликтность коммуникации) безопасности. Интерпретация данного факта может быть многомерной. С одной стороны, полученные данные подтверждают ключевые положения «теории разбитых окон» J. Q. Wilson и G. L. Kelling, согласно которой визуальные признаки беспорядка (к которым относится и вандализм) служат сигналом об отсутствии социального контроля и повышают страх перед преступностью [35]. Применительно к настоящему исследованию, можно предположить, что студенческая молодежь, лояльная к вандализму, на самом деле более остро и критично воспринимает эти «знаки беспорядка» в городской среде, что и приводит к заниженным оценкам безопасности. Как отмечают R. J. Sampson и S. W. Raudenbush, студенты, допускающие вандальные проявления, вероятно, обладают пониженным порогом чувствительности к беспорядку как таковому. Они не просто терпимы к отдельным актам разрушения, но и в целом фиксируют больше нарушений в окружающем пространстве, что в итоге формирует у них образ города как хронически неблагополучной, неухоженной и, следовательно, опасной территории [36]. Иными словами, их лояльность к вандализму может быть не столько причиной, сколько след-

ствием жизни в среде, которая объективно (или субъективно) воспринимается ими как менее безопасная.

С другой стороны, нельзя исключать и обратную интерпретацию – изначально более высокая тревожность и ощущение небезопасности могут формировать у молодого человека циничное и пренебрежительное отношение к этой среде, снижая ценность ее сохранности и, как следствие, повышая толерантность к ее разрушению. В этом случае лояльность к вандализму выступает не как причина, а как следствие или защитный механизм к враждебной и «запущенной» окружающей среде. Согласно данным К. В. Злоказова с соавторами [37], косвенно поддерживают эту гипотезу данные о том, что участники вандальных действий нередко руководствуются желанием самоутвердиться или испытать острые ощущения на фоне социальной фрустрации.

В рамках второго исследовательского вопроса были получены данные, свидетельствующие о наличии устойчивых половых различий в восприятии вандализма и его проявлений, и его связи с оценками безопасности городской среды. Частотный анализ показал, что при сохранении общего ядра восприятия (разрушенные и поврежденные объекты инфраструктуры) девушки-студентки включают в категорию вандализма более широкий круг явлений. Так, в женской студенческой выборке порог 80 % преодолевают не только очевидно деструктивные акты (разбитые окна и витрины, сожженные автомобили), но и такие формы, как надписи с рекламой нелегальных товаров, поврежденные мусорные контейнерные площадки и изрисованные граффити остановочные комплексы. В мужской же студенческой выборке эти явления квалифицируются как вандализм значительно реже, что указывает на более узкие границы данного понятия у юношей. Эта закономерность согласуется с выводами исследователей в области гендерной социализации, показывающих, что женщины в целом демонстрируют более высокую чувствительность к средовым рискам и более консервативные в оценках нарушений общественного порядка. Как отмечают А. Абдулла, М. Хедаяти Марзбали и М. Дж. Магсоди Тилаки [38] в своем исследовании на примере Пенанга (Малайзия), гендерные различия в восприятии безопасности напрямую связаны с дифференцированной оценкой признаков нецивилизованного поведения в городской среде. Традиционные модели воспитания ориентируют девушек на большую нормативность и осторожность, что находит отражение в более критичном восприятии любых отклонений от установленного порядка в городском пространстве.

Результаты сравнительного анализа подтвердили, что девушки-студентки не просто чаще идентифицируют явления как вандализм, но и значимо острее воспринимают их как источник угрозы и дискомфорта. Статистически значимые различия зафиксированы по пяти ключевым параметрам, и все они относятся к категории ситуаций, несущих потенциальную физическую опасность. Данные результаты можно интерпретировать в контексте теории виктимизации гендерных различий в страхе перед преступлениями. Как отмечают К. Кил, Р. Уикс, М. Ли, Дж. Джексон и К. Бенье [39], исследования не-

однократно фиксировали парадокс: женщины демонстрируют более высокий уровень страха перед преступностью, несмотря на объективно более низкие риски стать жертвами уличного насилия. Объяснение этого феномена кроется в том, согласно С. Ю. Пак, Г. Хан, Дж. Х. Ри и К. Х. Ли [40], что женщины воспринимают среду через призму уязвимости: признаки беспорядка считаются ими как сигнал о потенциальной опасности, поскольку они в большей степени учитывают риск сексуализированного насилия и иных форм агрессии, которые могут сопутствовать разрушенной и неухоженной среде. Кроме того, полученные данные эмпирически поддерживают концепцию «символических угроз» в городском пространстве. Для девушек такие формы вандализма, как надписи с рекламой нелегальных услуг или разрисованные остановки, вероятно, выступают не просто эстетическим недостатком, а маркером присутствия девиантных групп и криминальной активности. Данный вывод согласуется с результатами R. Pain, согласно которым женщины демонстрируют повышенную чувствительность к социальным знакам, сигнализирующим о возможном присутствии «опасных других» в городском пространстве [41].

Переходя к третьему исследовательскому вопросу, необходимо от констатации различий перейти к выявлению системных связей. Если первые два этапа анализа показали, что отношение к вандализму дифференцирует студенческую молодежь по уровню ощущения безопасности, то теперь предстоит установить, существует ли прямая статистическая взаимосвязь между восприятием конкретных форм вандализма и оценками различных компонентов безопасности.

Корреляционный анализ позволил выявить многомерную структуру взаимосвязей между восприятием различных форм вандализма и оценками безопасности городской среды в студенческой среде. Полученные данные свидетельствуют о том, что эта связь не является однородной, а дифференцируется в зависимости от типа вандальных проявлений и компонента безопасности (физического, психологического, социального). Выявлено два принципиально различных паттерна корреляционных связей: отрицательный (с деструктивными формами вандализма) и положительный (с инструментальными, «прагматическими» преобразованиями среды).

Наиболее выраженные и многочисленные отрицательные корреляционные связи зафиксированы между оценками безопасности и такими формами вандализма, которые носят откровенно разрушительный характер как: разбитые окна (с криминогенной обстановкой, сломанные элементы подъездной инфраструктуры (с криминогенной обстановкой), разбитые стекла на остановках (с психологическим комфортом в парках). Эти данные эмпирически подтверждают ключевое положение «теории разбитых окон» J. Q. Wilson и G. L. Kelling: визуальные признаки физического разрушения среды служат мощными сигналами об отсутствии социального контроля, что закономерно снижает субъективное ощущение безопасности [20]. Особого внимания заслуживает тот факт, что наиболее сильные корреляции обнаружены между

разбитыми окнами и оценкой криминогенной обстановки. Это прямое эмпирическое подтверждение тезиса о том, что разбитое окно воспринимается не просто как эстетический дефект, а как непосредственный маркер криминальной опасности. Исследования в области экологической психологии показывают, что остекление выполняет не только утилитарную, но и символическую функцию защиты и порядка. Так, еще в 1972 году O. Newman показал, что элементы среды (включая остекление входных групп и витрины) создают ощущение «контролируемой территории». Их целостность символизирует наличие «хозяина» или «защитника», а разрушение – утрату этого контроля [42].

Интересным результатом является наличие отрицательной корреляции между психологической безопасностью и восприятием политических лозунгов на стенах с комфортом в парках и психологической безопасностью. Вандальные акты с политическим подтекстом (в отличие от деструктивных форм) несут не физическую, а символическую угрозу. Они маркируют пространство как зону идеологического противостояния и потенциального конфликта и нестабильности. Это согласуется с исследованиями, показывающими, что политически мотивированные надписи повышают уровень тревожности у населения, особенно у студенческой молодежи, которая может воспринимать их как признаки социальной напряженности. Как отмечают Д. Д. Егорова, Е. Е. Майорова и В. С. Степкина [43], политический контент, размещенный в публичном пространстве без согласия наблюдателя, может выступать в качестве потенциального источника психологической травмы, поскольку он актуализирует чувство нестабильности и непредсказуемости социальной среды. Студенты, таким образом, чувствительны не только к физическому разрушению, но и к символическому «загрязнению» пространства идеологическими сообщениями.

Обнаружены значимые отрицательные связи психологического комфорта с такими, казалось бы, «мелкими» формами нарушения порядка, как расклеенные объявления, рекламные надписи и испорченные детские площадки. Эти данные согласуются с исследованиями в области экспериментальной психологии, которые доказывают, что восприятие беспорядка имеет устойчивую негативную аффективную окраску и оказывает разнообразные вредные психологические эффекты, такие как повышение тревоги, страха, дискомфорта, ухудшение способности к концентрации внимания, повышение когнитивной нагрузки, снижение производительности и др. Как отмечают Х. П. Котабе, О. Кардан и М. Г. Берман [44], восприятие беспорядка в антропогенной среде последовательно ассоциируется с негативным аффектом и снижением эстетической оценки, что контрастирует с восприятием природных сцен, где визуальная сложность и даже некоторая «неупорядоченность» могут оцениваться позитивно. Для студенческой молодежи, проводящей значительное время в публичных пространствах (парки, дворы), именно эти «мелочи» могут становиться ежедневным триггером негативных эмоциональных состояний.

Отдельно стоит отметить обнаружение положительных корреляционных связей между оценками физической безопасности и такими формами, как протоптанные тропинки и дыры в заборах. На первый взгляд, этот результат противоречит общей логике. Однако его интерпретация лежит в плоскости различения деструктивного и инструментального (адаптивного) вандализма, предложенного С. Коэном [45]. Протоптанные тропинки и проделанные в заборах проходы – это примеры неформальной адаптации среды под нужды жителей. Они возникают там, где официальная инфраструктура неудобна или неэффективна. Положительная корреляция с освещенностью может указывать на то, что в хорошо освещенных, а значит, воспринимаемых как более безопасных районах, студенческая молодежь активнее пользуется такими тропами, не воспринимая их как угрозу. Более того, самовольное, но функциональное изменение среды может даже усиливать ощущение общности (с наличием общности и поддержки), поскольку такие тропы и проходы используются коллективно и свидетельствуют о некоем неформальном консенсусе жителей относительно удобства перемещения. Как отмечает Р. М. Martinelli, тактические практики, неформальные интервенции выступают актами «присвоения» городского пространства, которые пересматривают и заново изобретают заранее спланированные стратегии официального планирования [46]. В этом контексте город предстает не только как продукт формального проектирования, но и как пространство, непрерывно конструируемое повседневными действиями его обитателей, а временные и низовые инициативы могут рассматриваться как реализация «права на город». Как отмечают Q. Stevens, K. Dovey [47], временной и тактический урбанизм представляет собой практики низового переосмысления городского пространства, в которых сталкиваются различные интересы — от локальных сообществ до институциональных акторов. В этой логике даже неформальные действия (включая некоторые формы адаптивного вандализма) могут пониматься как способ «присвоения» города его жителями, их попытка сделать среду более удобной и отвечающей повседневным потребностям, что перекликается с идеей Г. Лефевра о «праве на город».

Заключение

Проведенное исследование было направлено на изучение восприятия и оценки вандальных преобразований в городской среде с позиции студенческой молодежи в контексте переживания ею состояния безопасности в мегаполисе. В соответствии с поставленными исследовательскими вопросами были решены следующие задачи: выявлено общее отношение студентов к вандализму и его связь с оценками безопасности, установлены различия в восприятии конкретных форм вандализма, обусловленные фактором пола студентов, а также обнаружены и проинтерпретированы корреляционные связи между оценками различных форм вандализма и компонентами безопасности городской среды. Полученные данные позволяют сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, в среде студенческой молодежи доминирует негативное и дифференцированное отношение к вандализму (совокупно 88 % опрошенных), при этом лишь 12 % респондентов демонстрируют лояльные установки. Выявлена устойчивая закономерность: чем выше толерантность к вандальным проявлениям, тем ниже оценки физической и социальной безопасности городской среды. Это подтверждает теоретическое предположение о том, что отношение к вандализму является не просто этической позицией студентов, но и важным индикатором, а возможно, и предиктором субъективного восприятия безопасности ими городской среды.

Во-вторых, зафиксированы выраженные различия, связанные с фактором пола. Девушки-студентки указывают на более широкий диапазон ситуаций, относимых к вандализму, и значимо острее переживают их как источник угрозы, особенно в отношении деструктивных форм. Выявленная закономерность позволяет утверждать, что представительницы женского пола являются более чувствительными «сенсорами» состояния городского пространства: они раньше и острее фиксируют признаки неблагополучия, что делает их оценки важным индикатором реального уровня безопасности территории.

В-третьих, взаимосвязь между восприятием вандализма и оценками безопасности носит дифференцированный характер, а корреляционный анализ выявил два принципиально различных паттерна связей. Деструктивные формы вандализма (разбитые окна, сломанные перила, поврежденные остановки) устойчиво отрицательно коррелируют с оценками физической и психологической безопасности, эмпирически подтверждая ключевые положения теории «разбитых окон». Инструментальные, адаптивные формы (протоптаные тропинки, дыры в заборах) обнаруживают положительные связи с освещенностью и ощущением социальной общности, что указывает на их восприятие как функциональных, а не угрожающих преобразований среды с точки зрения студентов. Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу и вносит важное уточнение к классической теории разбитых окон: не любой беспорядок воспринимается как угроза; беспорядок, имеющий функциональное значение и возникший «снизу», может интерпретироваться студенческим сообществом как приемлемая практика взаимодействия с пространством города.

Полученные результаты вносят вклад в развитие нескольких направлений научного знания. Во-первых, работа расширяет теоретические представления о восприятии вандализма с позиции студенческой молодежи, демонстрируя необходимость дифференцированного подхода к различным его формам (деструктивный, инструментальный, символический) при анализе их влияния на безопасность уязвимых категорий населения. Во-вторых, исследование эмпирически верифицирует на российской студенческой выборке ключевые положения теории «разбитых окон» и концепции «символических угроз», подтверждая их кросс-культурную валидность. В-третьих, работа вносит вклад в гендерную психологию и социологию города, детализируя механизмы повы-

шенной чувствительности девушек-студенток к средовым маркерам небезопасности.

Исследование имеет высокий практико-ориентированный потенциал, поскольку его результаты могут быть непосредственно использованы при разработке стратегий повышения безопасности городской среды, ориентированных на молодежь, в том числе в университетских городах и кампусах. Выявленные закономерности позволяют конкретизировать приоритетные направления управленческих решений.

Прежде всего, полученные данные свидетельствуют о необходимости оперативного устранения последствий деструктивного вандализма, таких как разбитые стекла, поврежденные элементы подъездной инфраструктуры, сломанные остановочные комплексы и сожженные объекты. Поскольку именно эти формы вандализма наиболее тесно связаны с ощущением криминогенной угрозы и психологического дискомфорта (особенно в женской части студенческой выборки), быстрое восстановление поврежденных объектов будет способствовать не только повышению физической безопасности, но и снижению субъективного чувства тревоги у молодежи. Приоритетное внимание следует уделять территориям повседневного пользования – жилым зонам, подъездам, дворам и остановкам общественного транспорта.

Не менее значимым направлением практической работы выступает регулирование семиотического климата городской среды. Исследование показало, что психологическая безопасность студенческой молодежи снижается не только под влиянием физических разрушений, но и при столкновении с символическими угрозами – политическими лозунгами, надписями с рекламой нелегальных товаров и услуг, а также стихийно расклеенными объявлениями. В этой связи целесообразно внедрение практик оперативного удаления агрессивного, экстремистского или откровенно противоправного контента со стен зданий, остановок и рекламных конструкций, что будет способствовать поддержанию психологического комфорта и ощущения контролируемости пространства.

Особого внимания заслуживает феномен «адаптивного» или инструментального вандализма (протопанные тропинки, проделанные в заборах проходы). Положительные корреляции этих форм с ощущением освещенности и социальной общности указывают на то, что такие изменения среды отражают реальные, но не учтенные официальным планированием потребности студентов как жителей города. В связи с этим представляется продуктивным выстраивание диалога с молодежным сообществом для выявления причин возникновения подобных практик. Легитимация востребованных маршрутов и решений по благоустройству позволит не только снизить уровень несанкционированных изменений, но и усилить чувство сопричастности студенческой молодежи к формированию городской среды, что само по себе является ресурсом повышения социальной безопасности.

Список использованных источников

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. *Молодежь в обществе риска*. Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М; 2015. 230 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28518043> (дата обращения: 14.12.2025).
2. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Зырянова О.Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков. *Научный результат*. Социология и управление. 2022;8(4):57–70. doi:10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6
3. Wunsch K., Fiedler J., Bachert P., Woll A. The tridirectional relationship among physical activity, stress, and academic performance in university students: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(2):739. doi:10.3390/ijerph18020739
4. Кутузова Е.И., Черняев И.А. Распространенность синдрома хронической усталости среди студентов старших курсов медицинского университета. *Innova*. 2023;9(2):30–37. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54658678> (дата обращения: 14.12.2025).
5. Pereira S., Reay K., Bottell J., Walker L., Dzikiti C. *University Student Mental Health Survey 2018: A Large Scale Study into the Prevalence of Student Mental Illness within UK Universities*. 2018. Accessed December 14, 2025. https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fecdc3706_Mental%20Health%20Report%202018.pdf
6. Ribeiro Í.J., Pereira R., Freire I.V., de Oliveira B.G., Casotti C.A., Boery E.N. Stress and quality of life among university students: a systematic literature review. *Health Professions Education*. 2018;4(2):70–77. Accessed December 14, 2025. <https://hpe.researchcommons.org/journal/vol4/iss2/2/>
7. Кружкова О.В., Воробьева И.В., Пецникова Я. Восприятие вандальных повреждений молодежью: перцептивный этап. *Российский девиантологический журнал*. 2021;1(1):51–69. doi:10.35750/2713-0622-2021-1-51-69
8. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J. Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. *Zeitschrift fuer Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. 2019;2:120–132. Accessed December 14, 2025. https://www.dvjj.de/wp-content/uploads/2019/06/ZJJ_2_2019.pdf
9. Halsey M., Young A. The meanings of graffiti and municipal administration. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2002;35:165–186. doi:10.1375/acri.35.2.165
10. Кружкова О.В. Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде: результаты полевого эксперимента. *Научный диалог*. 2025;14(2):163–180. doi:10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180
11. Бабилова М.Р., Кружкова О.В. Двухфакторная модель детерминации восприятия граффити жителями мегаполиса. *Научный диалог*. 2025;14(8):255–276. doi:10.24224/2227-1295-2025-14-8-255-276
12. Швиндт У.С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга). *Koinon*. 2021;2(2):100–115. doi:10.15826/koinon.2021.02.1.005
13. Gartus A., Helmut L. The white cube of the museum versus the gray cube of the street: the role of context in aesthetic evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2014;8:311–320. doi:10.1037/a0036847
14. Субботина Л.Ю. Что понимать под состоянием безопасности личности. *Ярославский психологический вестник*. 2021;3(51):37–42. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47296736> (дата обращения: 14.12.2025).

15. Emelyanova T.P., Drobysheva T.V., Vikentieva E.N., Tarasov S.V. Activity of Muscovites in the urban environment: the role of the responsibility factor. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022;19(1):7–20. doi:10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20
16. Afable A., Rybarczyk G., Rivera B., Landsbergis P. The urban stress model: a framework for understanding the persistence of health disparities in cities. *Cities & Health*. 2026. doi:10.1080/23748834.2025.2604406
17. Антипова А.А., Касаркина Е.Н. Высшее учебное заведение как субъект адаптации сельских студентов к условиям города. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2014;6:4. doi:10.12731/2218-7405-2014-6-4
18. Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Методика измерения психологической безопасности жителей городов. *Вопросы психологии*. 2025;71(2):128–138. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83246752> (дата обращения: 14.12.2025).
19. Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Психологическая безопасность жителей городов как предиктор желания остаться жить в нем. *Российский психологический журнал*. 2025;22(1):240–257. doi:10.21702/2r2sqe82
20. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*. 1982;249(3):29–38. Accessed December 14, 2025. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>
21. Yuan L., Dan Y., Leng Y., Zhang J. Influencing factors of urban safety perception based on the combination of multi-source data and machine learning: a case study of Nanchang City, China. *Scientific Reports*. 2025;16. doi:10.1038/s41598-025-34110-3
22. Abdul Malek N., Manohar M. Visitors perception on vandalism and safety issues in a Malaysian urban park. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2009;4(13):93–107. Accessed December 14, 2025. <http://irep.iium.edu.my/4012/>
23. Mumford K., Power A. Disorder in the neighbourhoods: families' experiences of crime, gangs, neighbour problems, vandalism, graffiti, drugs and 'rough' behaviour. In: Mumford K., Power A., eds. *Nine*. 2022:197–228. doi:10.46692/9781847425690.009
24. Baker T., Wolfer L. The crime triangle: alcohol, drug use, and vandalism. *Police Practice and Research*. 2003;4:47–61. doi:10.1080/1561426032000059187
25. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. *Landscape and Urban Planning*. 2022;198(4):103779. doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
26. Abdul Rashid S., Hussaini Wahab W.N.M.W.M., Mohd Rani W. Street design and women's safety perception. *PLANNING MALAYSIA: Journal of the Malaysian Institute of Planners*. 2017;15(4):13–20. doi:10.21837/PMJOURNAL.V15.I4.313
27. Austin D.M., Sanders C. Graffiti and perceptions of safety: a pilot study using photographs and survey data. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 2007;14(4):292–316.
28. Štambuk M., Bahmatova Nerlović M., Komšo K., Miholić A., Spajić L. Shaping impressions of the space: effects of street art/graffiti in different public space contexts. *Društvena istraživanja*. 2023;32(4):613–634. doi:10.5559/di.32.4.03
29. Кружкова О.В., Воробьева И.В. Вандализм: границы безопасности и риски распространения экстремизма. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2025;15:24–29. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82776389> (дата обращения: 14.12.2025).
30. Đukić N. Graffiti and urban identity: negative perception of graffiti as an indicator of an urban identity crisis. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Post-Socialist Transformation of the City"*. Novi Sad; 2020:123–135. Accessed December 14, 2025. <https://www.academia>

edu/43703371/Graffiti_and_Urban_identity_Negative_perception_of_graffiti_as_an_indicator_of_an_urban_identity_crisis

31. Корибицына Л.В., Кружкова О.В. Вандализм и трансформация исторической памяти: теория и практика. *Диалог со временем*. 2025;91:237–250 doi:10.21267/AQUILO.2025.91.91.016
32. Руденкин Д.В. Вандализм в восприятии молодежи российских городов: результаты кросс-регионального исследования. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2021;10(5-1):28–38. doi:10.34670/AR.2021.35.97.003
33. Руденкин Д.В. Что знает и думает про вандализм молодежь крупного российского города: кейс Екатеринбурга. *Социодинамика*. 2022;6:47–62. doi:10.25136/2409-7144.2022.6.34435
34. Коломеец Е.Н. Граффити как компонент молодежной культуры России XXI века (на примере города Новосибирска). *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием*; 07–09 декабря 2022 г.; Новосибирск. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 2023:67–68 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53793655> (дата обращения: 14.12.2025).
35. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Вандализм в городской среде как маркер небезопасности территории. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*. 2019;4:5–10. doi:10.24147/2410-6364.2019.4.5-10
36. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Seeing disorder: neighborhood stigma and the social construction of broken windows. *Social Psychology Quarterly*. 2004;67(4):319–342. doi:10.1177/019027250406700401
37. Злоказов К.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., Шахматов А.В. Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин. *Психология и право*. 2021;11(3):77–93. doi:10.17759/psylaw.2021110306
38. Abdullah A., Hedayati Marzbali M., Maghsoodi Tilaki M.J. Examining gender differences in residents' perception of safety in residential areas based on the incivilities thesis. *Honar-Ha-YE-Karbord (Journal of Applied Arts)*. 2024;4(2):71–89. doi:10.22075/aaj.2021.11484.1063
39. Keel Ch., Wickes R., Lee M., Jackson J., Benier K. *Vulnerability in the Neighborhood: A Study of Gender Differences in Perceptions of Control*. 2021. doi:10.31235/osf.io/8nrgc
40. Park S.Y., Han G., Rhee J.H., Lee K.H. Gender disparities in perceived visibility and crime anxiety in pilot parking spaces of multifamily housing: a virtual reality study. *Frontiers of Architectural Research*. 2025;14(2):471–486. doi:10.1016/j.foar.2024.09.005
41. Pain R. Gender, race, age and fear in the city. *Urban Studies*. 2001;38(5-6):899–913. doi:10.1080/00420980125600
42. Newman O. *Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design*. Macmillan; 1972. Accessed December 14, 2025. <https://archive.org/details/defensiblespacec00newm>
43. Егорова Д.Д., Майорова Е.Е., Степкина В.С. Политический контент как потенциальный источник психологической травмы. *Экономика и социум*. 2020;6(73):600–604. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44002959> (дата обращения: 14.12.2025).
44. Kotabe H.P., Kardan O., Berman M.G. The nature-disorder paradox: a perceptual study on how nature is disorderly yet aesthetically preferred. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2017;146(8):1126–1142. doi:10.1037/xge0000321
45. Cohen S. Property destruction: motives and meanings. In: Ward C., ed. *Vandalism*. Architectural Press; 1973:23–53 Accessed December 14, 2025. <https://archive.org/details/vandalism0000ward>
46. Martinelli P.M. Tactical appropriations in the urban realm: informal practices and reinventions in the contemporary city. In: *Informality and the City: Theories, Actions and Interventions*. Springer; 2022:35–51. Accessed December 14, 2025. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-99926-1_3
47. Stevens Q., Dovey K. Interests. In: *Temporary and Tactical Urbanism*. Routledge; 2022:3–18. doi:10.4324/9781003284390

References

1. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams C. *Molodezh' v obshchestve riska = Youth in a Risk Society*. Moscow: Publishing House Yur. Norma, NIC INFRA-M; 2015. 230 p. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28518043>
2. Didkovskaya Ya.V., Vishnevsky Yu.R., Zyryanova O.B. Social safety of student youth as a subjective perception of risks. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(4):57–70. (In Russ.) doi:10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6
3. Wunsch K., Fiedler J., Bachert P., Woll A. The tridirectional relationship among physical activity, stress, and academic performance in university students: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(2):739. doi:10.3390/ijerph18020739
4. Kutuzova E.I., Chernyaev I.A. Prevalence of chronic fatigue syndrome among senior students of a medical university. *Innova*. 2023;9(2):30–37. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54658678>
5. Pereira S., Reay K., Bottell J., Walker L., Dziki C. *University Student Mental Health Survey 2018: A Large Scale Study into the Prevalence of Student Mental Illness within UK Universities*. 2018. Accessed December 14, 2025. https://uploads-ssl.webflow.com/561110743bc7e45e78292140/5c7d4b5d314d163fedc3706_Mental%20Health%20Report%202018.pdf
6. Ribeiro Í.J., Pereira R., Freire I.V., de Oliveira B.G., Casotti C.A., Boery E.N. Stress and quality of life among university students: a systematic literature review. *Health Professions Education*. 2018;4(2):70–77. Accessed December 14, 2025. <https://hpe.researchcommons.org/journal/vol4/iss2/2/>
7. Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Pecnikova J. Perception of vandal damage by youth: the perceptual stage. *Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*. 2021;1(1):51–69. (In Russ.) doi:10.35750/2713-0622-2021-1-51-69
8. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J. Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. *Zeitschrift fuer Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*. 2019;2:120–132. (In German) Accessed December 14, 2025. https://www.dvjj.de/wp-content/uploads/2019/06/ZJJ_2_2019.pdf
9. Halsey M., Young A. The meanings of graffiti and municipal administration. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2002;35:165–186. doi:10.1375/acri.35.2.165
10. Kruzhkova O.V. Memorability and cognitive errors in graffiti recognition in an urban environment: results of a field experiment. *Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue*. 2025;14(2):163–180. (In Russ.) doi:10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180
11. Babikova M.R., Kruzhkova O.V. Two-factor model of graffiti perception determinants among metropolis residents. *Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue*. 2025;14(8):255–276. (In Russ.) doi:10.24224/2227-1295-2025-14-8-255-276
12. Shvindt U.S. Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (the case of Yekaterinburg). *Koinon*. 2021;2(2):100–115. (In Russ.) doi:10.15826/koinon.2021.02.1.005
13. Gartus A., Helmut L. The white cube of the museum versus the gray cube of the street: the role of context in aesthetic evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2014;8:311–320. doi:10.1037/a0036847
14. Subbotina L.Yu. What to understand by the state of personal security. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik = Yaroslavl Psychological Bulletin*. 2021;3(51):37–42. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47296736>

15. Emelyanova T.P., Drobysheva T.V., Vikentjeva E.N., Tarasov S.V. Activity of Muscovites in the urban environment: the role of the responsibility factor. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022;19(1):7–20. doi:10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20
16. Afable A., Rybarczyk G., Rivera B., Landsbergis P. The urban stress model: a framework for understanding the persistence of health disparities in cities. *Cities & Health*. 2026. doi:10.1080/23748834.2025.2604406
17. Antipova A.A., Kasarkina E.N. Higher education institution as a subject of adaptation of rural students to urban conditions. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) = Modern Studies of Social Issues (Online Scientific Journal)*. 2014;6:4. (In Russ.) doi:10.12731/2218-7405-2014-6-4
18. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. A method for measuring the psychological safety of urban residents. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*. 2025;71(2):128–138. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83246752>
19. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Psychological safety of urban residents as a predictor of the desire to stay living in the city. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2025;22(1):240–257. (In Russ.) doi:10.21702/2r2sqe82
20. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*. 1982;249(3):29–38. Accessed December 14, 2025. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>
21. Yuan L., Dan Y., Leng Y., Zhang J. Influencing factors of urban safety perception based on the combination of multi-source data and machine learning: a case study of Nanchang City, China. *Scientific Reports*. 2025;16. doi:10.1038/s41598-025-34110-3
22. Abdul Malek N., Manohar M. Visitors perception on vandalism and safety issues in a Malaysian urban park. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2009;4(13):93–107. Accessed December 14, 2025. <http://irep.iium.edu.my/4012/>
23. Mumford K., Power A. Disorder in the neighbourhoods: families' experiences of crime, gangs, neighbour problems, vandalism, graffiti, drugs and 'rough' behaviour. In: Mumford K., Power A., eds. *Nine*. 2022:197–228. doi:10.46692/9781847425690.009
24. Baker T., Wolfer L. The crime triangle: alcohol, drug use, and vandalism. *Police Practice and Research*. 2003;4:47–61. doi:10.1080/1561426032000059187
25. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. *Landscape and Urban Planning*. 2022;198(4):103779. doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
26. Abdul Rashid S., Hussaini Wahab W.N.M.W.M., Mohd Rani W. Street design and women's safety perception. *PLANNING MALAYSIA: Journal of the Malaysian Institute of Planners*. 2017;15(4):13–20. doi:10.21837/PMJOURNAL.V15.I4.313
27. Austin D.M., Sanders C. Graffiti and perceptions of safety: a pilot study using photographs and survey data. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 2007;14(4):292–316.
28. Štambuk M., Bahmatova Nerlović M., Komšo K., Miholić A., Spajić L. Shaping impressions of the space: effects of street art/graffiti in different public space contexts. *Društvena istraživanja*. 2023;32(4):613–634. doi:10.5559/di.32.4.03
29. Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V. Vandalism: safety boundaries and risks of the spread of extremism. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti = Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations*. 2025;15:24–29. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82776389>
30. Đukić N. Graffiti and urban identity: negative perception of graffiti as an indicator of an urban identity crisis. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Post-Socialist Transformation of the City"*. Novi Sad; 2020:123–135. Accessed December 14, 2025. <https://www.academia>

- edu/43703371/Graffiti_and_Urban_identity_Negative_perception_of_graffiti_as_an_indicator_of_an_urban_identity_crisis
31. Korobitsyna L.V., Kruzhkova O.V. Vandalism and the transformation of historical memory: theory and practice. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. 2025;91:237–250. (In Russ.) doi:10.21267/AQUILO.2025.91.91.016
 32. Rudenkin D.V. Vandalism in the perception of young people in Russian cities: results of a cross-regional study. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research*. 2021;10(5-1):28–38. (In Russ.) doi:10.34670/AR.2021.35.97.003
 33. Rudenkin D.V. What young people in a large russian city know and think about vandalism: the case of Yekaterinburg. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2022;6:47–62. (In Russ.) doi:10.25136/2409-7144.2022.6.34435
 34. Kolomeets E.N. Graffiti as a component of youth culture in Russia of the XXI century (on the example of the city of Novosibirsk). In: *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: Materialy XI Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Youth of the XXI Century: Education, Science, Innovation: Proceedings of the XI All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation*; December 7–9, 2022; Novosibirsk, Russia. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2023:67–68. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://elibrary.ru/item.asp?id=53793655>
 35. Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V. Vandalism in the urban environment as a marker of territorial insecurity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Herald of Omsk University. Series: Psychology*. 2019;4:5–10. (In Russ.) doi:10.24147/2410-6364.2019.4.5-10
 36. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Seeing disorder: Neighborhood stigma and the social construction of broken windows. *Social Psychology Quarterly*. 2004;67(4):319–342. doi:10.1177/019027250406700401
 37. Zlokazov K.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G., Shakhmatov A.V. Urban vandalism in the perception of youth: an empirical study of the attribution of its causes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2021;11(3):77–93. (In Russ.) doi:10.17759/psylaw.2021110306
 38. Abdullah A., Hedayati Marzbali M., Maghsoodi Tilaki M.J. Examining gender differences in residents' perception of safety in residential areas based on the incivilities thesis. *Honar-Ha-YE-Karbordi (Journal of Applied Arts)*. 2024;4(2):71–89. doi:10.22075/aaj.2021.11484.1063
 39. Keel Ch., Wickes R., Lee M., Jackson J., Benier K. *Vulnerability in the Neighborhood: A Study of Gender Differences in Perceptions of Control*. 2021. doi:10.31235/osf.io/8nrgc
 40. Park S.Y., Han G., Rhee J.H., Lee K.H. Gender disparities in perceived visibility and crime anxiety in piloti parking spaces of multifamily housing: a virtual reality study. *Frontiers of Architectural Research*. 2025;14(2):471–486. doi:10.1016/j.foar.2024.09.005
 41. Pain R. Gender, race, age and fear in the city. *Urban Studies*. 2001;38(5-6):899–913. doi:10.1080/00420980125600
 42. Newman O. *Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design*. Macmillan; 1972. Accessed December 14, 2025. <https://archive.org/details/defensiblespacec00newm>
 43. Egorova D.D., Mayorova E.E., Stepkina V.S. Political content as a potential source of psychological trauma. *Ekonomika i sotsium = Economy and Society*. 2020;6(73):600–604. (In Russ.) Accessed December 14, 2025. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44002959>
 44. Kotabe H.P., Kardan O., Berman M.G. The nature-disorder paradox: a perceptual study on how nature is disorderly yet aesthetically preferred. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2017;146(8):1126–1142. doi:10.1037/xge0000321
 45. Cohen S. Property destruction: motives and meanings. In: Ward C., ed. *Vandalism*. Architectural Press; 1973:23–53 Accessed December 14, 2025. <https://archive.org/details/vandalism0000ward>

46. Martinelli P.M. Tactical appropriations in the urban realm: informal practices and reinventions in the contemporary city. In: *Informality and the City: Theories, Actions and Interventions*. Springer; 2022:35–51. Accessed December 14, 2025. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-99926-1_3
47. Stevens Q., Dovey K. Interests. In: *Temporary and Tactical Urbanism*. Routledge; 2022:3–18. doi:10.4324/9781003284390

Информация об авторах:

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета; доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-2569-8789. E-mail: galiat1@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии, начальник управления научных исследований и проектной деятельности Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-0561-3888. E-mail: lorisha@mail.ru

Матвеева Алена Игоревна – научный сотрудник управления научных исследований и проектной деятельности Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-9595-3458. E-mail: lyonchik_7777@list.ru

Вклад соавторов:

О.В. Кружкова – формирование общего замысла статьи, написание разделов «Введение» и «Обзор литературы», подготовка списка использованных источников, общая научная редакция текста.

И.В. Воробьева – математико-статистическая обработка данных, написание разделов «Методология, материалы и методы», «Результаты исследования».

А.И. Матвеева – написание разделов «Обсуждение» и «Заключение», подготовка списка использованных источников, подготовка метаданных статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.02.2026; поступила после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 06.05.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Olga V. Kruzhkova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University; Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-2569-8789. E-mail: galiat1@yandex.ru

Irina V. Vorobyeva – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology and Conflictology, Head of the Department of Scientific Research and Project Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0003-0561-3888. E-mail: lorisha@mail.ru

Alena I. Matveeva – Research Fellow, Department of Scientific Research and Project Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-9595-3458. E-mail: lyonchik_7777@list.ru

Contribution of the authors:

O.V. Kruzhkova contributed to the conceptualisation of the article, wrote the “Introduction” and “Literature Review” sections, compiled the bibliography, and performed the overall scientific editing of the text.

I.V. Vorobyeva contributed to mathematical and statistical data processing and authored the “Methodology, Materials, and Methods” and “Results” sections.

A.I. Matveeva contributed to writing the “Discussion” and “Conclusions” sections, compiling the bibliography, and preparing the article metadata.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 21.02.2026; revised 30.04.2026; accepted for publication 06.05.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.